

**ШАРЛЬ ФУРЬЕ И НАПОЛЕОН БОНАПАРТ:
МЕСТО ИМПЕРАТОРА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТА****А. А. Кротов***Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*

Поступила в редакцию 22 мая 2020 г.

Аннотация: в статье рассматривается малоизученный аспект философии истории Фурье. Показано, что образ Наполеона использовался создателем теории земледельческой ассоциации для обоснования и иллюстрации значимых тезисов, относящихся к истолкованию общего хода истории. Представлены основные линии эволюции представлений Фурье о роли императора в истории – смещение акцентов, касающихся тех особенностей деятельности Наполеона, которые трактуются философом как положительные.

Ключевые слова: Фурье, Наполеон, французская философия, социализм, философия истории.

Abstract: the article examines a little-studied aspect of Fourier's philosophy of history. It is shown that Napoleon's image was used by the creator of the theory of farming association to justify and illustrate significant theses relating to the interpretation of general course of history. The main lines of evolution of Fourier's representations of the Emperor's role in history are also shown: shift of emphasis in the evaluation of Napoleon's achievements.

Key words: fourier, Napoleon, French philosophy, socialism, philosophy of history.

Шарль Фурье, в отличие от своего старшего современника А. К. Сен-Симона, не изопряслся в нюансировке выдвигаемых им теоретических конструкций с целью непременно заручиться поддержкой Наполеона. Представления о собственной исключительной роли в истории побуждали уроженца Безансона возлагать надежды на будущий ошеломляющий успех возведенных им идей по существу на всех здравомыслящих своих современников. Он был уверен, что решающее значение имеет не политика того или иного государя, а притяжения страстей, свойственных всем представителям рода. Он предсказывал масштабный переход человечества из состояния цивилизации, неотделимого от страдания и лишений, в не встречавшееся прежде в истории состояние социальной гармонии. Переход мыслился как мирный и постепенный, охватывающий друг за другом различные группы, вплоть до распространения фаланстеров по всей земле. Конечно, поддержка выдающихся лиц, как и членов правительства, новому делу не помешала бы. Но она не рассматривалась как совершенно необходимое, первоочередное условие. Нельзя сказать, что Фурье совершенно пренебрегал попытками обратиться за помощью к тем, кто обладал политическим авторитетом. Но общая логика его системы не ставила будущее в зависимость только от такого рода попыток. Для общего успеха грандиозного замысла каза-

лось достаточным создание одного фаланстера, готового послужить для прочих убедительным примером, вопрос же о том, будет ли его организатором частное лицо либо правительство, большого значения не имел. Экономическая заинтересованность отдельных людей, их убежденность в том, что именно фаланга – давно искомый путь к счастью и процветанию человечества, должны были сделать необратимыми преобразования, начавшиеся с единичного примера.

В первом значительном своем произведении «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808) Фурье, по ходу изложения основных идей, по существу высказался в лояльном ключе о наполеоновской политике. Хотя титульный лист книги и содержал ложные выходные данные (указан Лейпциг вместо Лиона, где она печаталась фактически), что интерпретировалось впоследствии сторонниками социалистических идей как мера, вызванная цензурными ограничениями, сам автор заявлял в ней о том, что ни один существующий режим не станет препятствием реализации его планов. Действительно ли он был в этом уверен? Ведь система фаланстеров должна была полностью изменить и хозяйственные отношения между людьми, и социальную структуру, да и сам внешний облик планеты. По-видимому, Фурье полагал, что основной интерес любого правительства связан с увеличением доходов, а именно это его система, казалось бы, властям и гарантировала. По этой причине противоречия в своих заявлениях он не видел.

Своим эпохальным открытием Фурье считал теорию четырех движений в мироздании (социальное, животное, органическое, материальное). По его мнению, лишь материальное движение получило в прежней науке убедительное объяснение в трудах Ньютона и Лейбница. Между тем создание всеобщей системы природы – задача первоочередная с точки зрения возможности достижения счастья разумными существами. Отсюда: «возвещенное мною открытие само по себе более важно, чем все научные работы, сделанные с тех пор, как существует род человеческий». Это открытие представляет собой исчисление «всемирных судеб, или определения той основной системы, по которой упорядочены законы всех движений – настоящих, прошлых и грядущих» [1, т. I, с. 58]. Фурье упоминал, что косвенным образом совершить открытие ему помогла Французская революция, ибо она, по его мнению, продемонстрировала несостоятельность философских идей XVIII в., вскрыла всю ошибочность установок просветителей. «После катастрофы 1793 года иллюзии рассеялись; политические и моральные науки были опозорены и безвозвратно утратили доверие» [там же, с. 89]. Фурье пришел к выводу, что крах прежней системы знаний требует открытия новой, еще неизвестной науки. Он с гордостью провозглашал, что великому открытию способствовали два принятых им правила. Первое – абсолютное сомнение – имело для него остро выраженную социальную направленность. В то время как Декарт практиковал неистинное, «частичное», отдающее софизмами сомнение, следовало поставить под вопрос незыблемость существующего социального порядка. Второе правило – «абсолютное уклонение» – ха-

характеризует отказ от углубления в содержание имеющихся влиятельных теорий, концентрацию усилий на предметном поле, ими еще не освоенном. По мысли Фурье, существующие науки довели до завершения свой анализ, но так и не нашли решения первоочередных социальных проблем. Поэтому выход следует искать там, где его даже и не думали обнаружить, — не в политической области, а в сфере повседневных хозяйственных забот людей. Фурье считал, что самые «обыденные», «бытовые» вопросы подсказывают путь человечества к счастью. И, наоборот: «я избегал всякого изыскания о том, что касалось интересов престола или алтаря, которыми философы занимались непрерывно с самого возникновения их науки: они всегда искали общественного блага в административных или религиозных нововведениях» [там же, с. 93]. Для Фурье путь человечества к счастью лежал через земледельческую ассоциацию. Ее создание, на его взгляд, позволило бы избавиться от социального зла, а тем самым успешно преодолеть политические столкновения современности. Он призывает сограждан объединяться в сообщества, ставящие целью совместную обработку земли. При этом земледелие из тяжелой повинности должно превратиться в привлекательное соревнование. Ассоциация, объединяющая минимум восемьсот, а лучше тысячу людей, сможет предоставить им как возможность комфортной жизни, так и средства для удовлетворения самолюбия и вообще всех главных страстей. Фурье выступал против уравнительного распределения, как и умеренности в страстях. К экспроприации собственности он не призывал. Выгода упомянутого трудового объединения в том, что оно позволяет утроить, если не удесятерить доходы каждого. Ведь вместо, например, трехсот амбаров потребуется один, то же касается очагов, чанов и т. п. Кроме того, ассоциация поможет людям направить их мирные усилия на получение множества наслаждений. Благодаря социальному единству страсти будут развиваться в прогрессивных группах серий. По Фурье, страсти надлежит не подавлять, вопреки мечтаниям философов, а удовлетворять, но «бессвязная» социальная организация никогда не позволяла этого достичь. Между тем само наличие страстей доказывает, что назначение человека связано с их максимальным развитием: они должны быть сильными, утонченными, многообразными. Поскольку именно богатство и удовольствия выступают стимулом человеческих усилий; после того, как люди осознают преимущества ассоциаций, их возникновение пойдет повсюду на Земле с поразительной быстротой, безо всяких распоряжений и постановлений властей. Более того, создание подобных объединений выгодно и правительствам, ибо позволит повысить налоговые поступления. Благодаря фалангам осуществится знаменательный переход от хозяйственной бессвязности к социальной согласованности. Эпоха страданий уступит место длительному периоду счастья. Заметим, что создание в кантонах земледельческих объединений, согласно Фурье, повсеместно изменит вкусы людей, приучит их предпочитать жизнь в сельской местности, «они проникнутся отвращением к этому семейному быту, к этим городам, к этой цивилизации, которые являются предмета-

ми их нынешней привязанности; они захотят ассоциироваться в фаланге серий и жить в ее здании» [там же, с. 103].

Атеизм Фурье характеризовал как мнение, годное лишь для эпохи глубокого невежества. Согласно его концепции, природа слагается из трех начал: активного – это Бог; пассивного – материи; и принципа движения (математика или справедливость). Бог в своих действиях руководствуется математическим законом, который даже он не в силах нарушить. Фурье понимал Бога философски, рассматривая как нелепые выдумки религиозные представления об изгнании людей из рая, божественном гневе, обрушившемся на них, и др. Критикуя наследие просветителей, Фурье оставался их продолжателем, отстаивая одну из версий деизма. По его мнению, на всех планетах мироздания социальное движение подчинено единому порядку, «ибо нельзя читать частично в книге судеб, нельзя определять судьбы одного мира, не обладая исчислением, открывающим судьбы всех миров» [там же, с. 135]. При этом скорость социального развития на множестве планет должна быть различной, ибо Бог сообщил разумным созданиям свободу воли. Человечество только выходит из детства, это первая фаза его существования, которую должна сменить вторая – «восходящая согласованность». Социальное благоденствие не продлится вечно, за апогеем счастья последуют упадок, переход к хаосу, дряхлость, наконец, гибель вообще всего живого на земле. Но в целом века бедности и социальной несправедливости составят лишь малую часть земной истории. Мораль должна строиться не на эгоизме, а на «унитеизме», склонности к «безграничному человеколюбию», предполагающей соотносить собственное счастье с устремлениями окружающих.

Путь к социальному благу через земледельческую ассоциацию, согласно Фурье, касается исключительно мероприятий «хозяйственных или бытовых и совместимых со всяким правительством, без надобности в его вмешательстве» [там же, с. 93]. Более того, и внешняя, и внутренняя политика Наполеона легко включаются социалистом в его обширную схему философии истории. Современное ему французское общество он характеризует как представляющее собой соединение элементов прошлого и ближайшего будущего. Деятельность Наполеона как законодателя он рассматривает как способствующее прогрессу человечества: «Французы усвоили в последнее время единство хозяйственных и административных отношений; этот метод, составляющий одну из характерных особенностей шестого периода, оказался введенным благодаря единообразной метрической системе и гражданскому кодексу Наполеона, двум установлениям, противным порядку строя цивилизации, имеющего среди своих характерных особенностей бессвязность хозяйственных и административных отношений» [там же, с. 203]. По мнению Фурье, эгоистичная, направленная на утверждение собственной торговой монополии, политика Англии косвенно подталкивает Европу к «социальному единству». Поэтому наполеоновские завоевания не находят со стороны Фурье осуждения. Он говорил о блестящих перспективах создания всемирной федерации благодаря союзу императоров Франции и России,

причем именно Александру I, по его мысли, выпадает редкая для смертных удача разделить достигнутые Наполеоном успехи. Шестой период истории, именуемый им «гарантизмом» и элементы которого он видит в кодексе Наполеона, предполагает ослабление нищеты и революционных моментов, сохраняя при этом от предшествующего строя цивилизации семейные хозяйства и институт брака.

Фурье с полным одобрением, не скрывая торжества, говорил о справедливом пренебрежении, демонстрируемом Наполеоном по отношению к современным философам: «Еще Фридрих говорил, что если бы он хотел наказать одну из своих провинций, он передал бы ее под управление Философам; и Наполеон исключил политические и моральные Классы из храма, где находятся полезные Науки» [2, р. 284]. (В данном случае речь идет об инициированном Наполеоном упразднении «философской» секции в составе национального Института.)

Ближайшее будущее человечества Фурье прямо связывает с наполеоновским правлением, не скупясь на похвалы в адрес властителя. «Уже появился новый Геракл: его огромные дела заставляют греметь его имя от одного полюса до другого; и Человечество, приученное им к зрелищу изумительных поступков, ждет от него некоего чуда, которое изменит судьбу мира. Народы, ваши предчувствия реализуются; самая блестящая миссия предназначена самому великому из героев: именно он должен создать всеобщую Гармонию на руинах Варварства и Цивилизации» [ibid., р. 101]. Впрочем, Фурье не забывает тут же упомянуть о своей исключительной роли в открытии «социального компаса», которая выглядит ничуть не менее важной, чем достижения императора. Не слишком навязчиво, но всё же он дает понять, что в его глазах повелитель Европы – лишь один из элементов общего плана, открытого немногим избранным, ибо направление вселенского движения, включая социальное, по его утверждению, полностью зависит от Бога.

В рукописи, значительная часть которой была написана в период реставрации («О трех внешних единствах», опублик. в 1845 г.), Фурье пересмотрел свой взгляд на значение наполеоновского правления для истории. Отныне Наполеон для него – не способствующий прогрессу выдающийся деятель, а ретроградный политик. Усилия Наполеона подразумевали не достижение нового этапа общественной жизни, а незначительную модификацию старого: «Коротко говоря, он стремился, сам того не зная, побуждаемый природной алчностью, организовать четвертую фазу строя цивилизации – феодальную монополию». Побуждения императора Фурье теперь трактует как далекие от бескорыстных, возвышенных интересов: «Он зарился на торговлю всей Европой», – и далее: «Будучи добрым сыном строя цивилизации, он хотел все взять себе» [1, т. I, с. 394]. О Наполеоне философ говорит с явным оттенком превосходства, как о государе, не понимавшем механизма, лежащего в основе торговли. «Поэтому я часто говорил о нем: вот человек, которому я был бы очень нужен, – я один владею тайной, которую он ищет» [там же]. Завоевательные походы уже не находят одобрения со стороны Фурье, он относит их

к числу «опустошительных действий» Наполеона. Отзывается он с похвалой об одном из аспектов континентальной блокады, рассматривая его как намерение императора прижать «крупных воров», восстановить справедливость в противостоянии обману и спекуляциям.

В работе «Новый хозяйственный и социетарный мир» (1829) Фурье возвещает неизбежный и быстрый добровольный переход человечества к состоянию социальной гармонии. Социетарное производство победит благодаря трудовому притяжению, своей экономической привлекательности и стремлению людей к удовольствиям. Каждый будет получать такую долю блага, которая отвечает его труду, таланту и внесенным на нужды ассоциации средствам. Науки, искусства, промышленное производство естественно найдут свое место внутри фаланстера. Период «гарантизма» (элементом которого Фурье называл прежде кодекс Наполеона) он считает возможным посредством влияния страстей «перескочить», перейдя сразу к восьмому («гармонизм»). Достаточно одного кантона, чтобы всё человечество по его примеру увлеклось преимуществами нового пути. Важным условием процветания человечества Фурье объявлял ограничение народонаселения. Этому фактору, на его взгляд, не было прежде уделено должного внимания. Но ведь если не регулировать естественный прирост, никаких средств, находящихся в распоряжении фаланги, не хватит, чтобы избежать нищеты. Между тем гурманство – одно из важнейших удовольствий, среди прочих выступающее как «движущая сила мудрости». Вместе с тем паразитические и бесполезные занятия в будущем исчезнут. Среди лиц, в них вовлеченных, Фурье отмечает профессиональных военных наряду с торговцами, таможенными чиновниками и домашними слугами. При этом идею общности имущества Фурье категорически отвергал, настаивая на том, что ее защищают шарлатаны, ничего не понимающие в общественной жизни. Характерно, что владычество Наполеона Фурье уподобляет правлению Людовика XIV, именуя их «однородными царствованиями». Причины крушения наполеоновской империи Фурье представлял на редкость однобоко: «маневр биржевой игры, искусственно вызванный голод, ниспроверг Бонапарта, провалив его поход в Россию путем отсрочки, которая внушила подозрения туркам и склонила их к подписанию мира» [1, т. IV, с. 210].

Фурье называет замысел создания всемирной монархии самым «рассудительным» из намерений Наполеона, но вкладывает в свою похвалу специфический смысл. Именно, он считает правильным, чтобы каждый человек, подобно Наполеону, стремился к полной реализации своих страстей. Строй гармонии требует безграничных честолюбий, мирно соревнующихся друг с другом. Всем честолюбиям нужно найти подходящее применение, чтобы «Цезарь и Помпей» смогли бы властвовать, но в разных сферах, не препятствуя взаимному развитию. Наполеон же, по Фурье, в своих страстях следовал природе и в этом плане достоин похвалы.

Исследователи отмечали разнообразные стороны наследия Фурье, совокупность которых, как представляется, во многом определила отношение социалиста к Наполеону. Шарль Пелларен объявлял Фурье

великим человеком, «социальным Провозвестником», обладателем откровения, повествующего о судьбах общества, искусным интерпретатором божественных планов. С юных лет «Фурье обнаруживал эту решительную волю, этот неукротимый разум, который никогда не склонялся ни перед одним из наших социальных предрассудков» [3, р. XXVII, 11]. Юбер Буржен отмечал четкость и всеохватывающий характер системы социалиста: «Учение Фурье есть учение необычайно широкое, систематическое и, в общем, точное» [4, р. 3].

Феликс Равессон акцентировал внимание на антихристианской направленности фурьеризма: «Цель автора фаланстерной системы, Шарля Фурье, была той же, что и Сен-Симона; установить для всех на этой земле блаженство, которое христианство сохраняет для избранных в иной жизни» [5, р. 94]. Альфред Фулье утверждал моральную ограниченность фурьеризма, хотя и признавал его достоинства в сравнении с подходом Сен-Симона: «Социализм, который у Сен-Симона был авторитарным, становится либеральным у Фурье; но психологическая концепция свободы, на которой покоится фурьеризм, еще не концепция моральной воли; это просто свободная игра чувственных страстей» [6, р. 432].

Жорж Лефевр справедливо отмечал, что Фурье «изобличал социальный хаос, рожденный революционным индивидуализмом» [7, р. 515]. Эмиль Брейе полагал, что в учении Фурье были реанимированы некоторые идеализированные романтиками стороны жизни средневековых корпораций. Его «социетарная механика» явилась, по мнению интерпретатора, «странным продуктом эпохи, которая смешивает с религиозным и научным притязанием требование добиться, без утомительного для человечества усилия, максимума экономического продукта, элиминируя все политические и моральные проблемы» [8, р. 1462]. Сюзанна Олехевич-Дебу обоснованно говорит о том, что «во время, отмеченное влиянием Ньютона, Фурье мечтает о еще более общей систематизации: если закон гравитации соединяет по видимости противоположные феномены, равномерное движение звезд и падение тел, “притяжение по страсти” позволяет постичь единую науку, исчисление всеобщего единства» [9, р. 947]. Сами Наир выдающееся достижение социалиста видит в способности дать новое направление сознанию: «Фурье не фантазер. Его творчество раскрывает не грёзу <...> оно раскрывает воображение, постигнутое в качестве модуса сознательной мысли. В действительности это новый способ постижения вещей, описания мира, конструирования будущего, коротко говоря, новый способ мышления. Именно в качестве систематики воображаемого следует понимать творчество Фурье, но не как фантазию» [10, р. 170].

Подводя итоги, заметим, что образ Наполеона в философии истории Фурье имел важное, но отнюдь не решающее значение. Он использовался в качестве пояснения некоторых ведущих тезисов системы, играл роль примера, слишком понятного читателю, а потому вполне необходимого. Философ был уверен в том, что его собственная задача в истории более значительна, чем любого из правителей. При этом в мировосприя-

тии Фурье можно обнаружить черты, которые сближают его с императором: негативное отношение к современным им философам; уверенность в возможности преодолеть разрушительные последствия революции путем примирения всех участников столкновений; представления о неизменности человеческой природы; убеждение в социальной необходимости поклонения Божеству.

В своем стремлении к универсализации в сфере научного и, прежде всего, социального знания Фурье не мог обойти вниманием факт существования наполеоновской империи. Конечно, его оценки личности Наполеона до крушения империи и после этого события нельзя назвать вполне совпадающими. Философ принял поправку на время, внесенные им изменения. Эти поправки существенны: образ героя размывается и сменяется портретом ограниченного защитника отжившего строя. Но все-таки, несмотря на все изменения отстаиваемой Фурье интерпретации социальной роли императора, образ Наполеона в сознании социалиста сохранил и положительные черты. Если в эпоху империи властитель для него выступал как воплощение прогресса, то в период реставрации он превращается в символ высшего напряжения страстей.

Литература

1. *Фурье III*. Избранные сочинения / Ш. Фурье. – М. : Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1951–1954. – Т. I–IV.
2. *Fourier C. Oeuvres complètes* / C. Fourier. – Paris : Editions Anthropos, 1971. – Т. 1. – 336 p.
3. *Pellarin C. Charles Fourier, sa vie et sa théorie* / C. Pellarin. – Paris : Librairie de l'école sociétaire, 1843. – 557 p.
4. *Bourgin H. Fourier. Contribution à l'étude du socialisme français* / H. Bourgin. – Paris : Société nouvelle de librairie et d'édition, 1905. – 620 p.
5. *Ravaisson F. De l'habitude. La philosophie en France au XIX siècle* / F. Ravaisson. – Paris : Fayard, 1984. – 367 p.
6. *Fouillée A. Histoire de la philosophie* / A. Fouillée. – Paris : Delagrave, 1934. – 586 p.
7. *Lefebvre G. Napoléon* / G. Lefebvre. – Paris : PUF, 1953. – 610 p.
8. *Bréhier E. Histoire de la philosophie* / E. Bréhier. – Paris : PUF, 2004. – 1790 p.
9. *Oleszkiewicz-Debout S. Fourier* / S. Oleszkiewicz-Debout // Dictionnaire des philosophes. – Paris : PUF, 1984. – V. 1. – P. 947–952.
10. *Nair S. Le socialisme utopique ou la pensée de l'écart absolu* / S. Nair // Histoire de la philosophie. Sous la dir. de F. Châtelet. t.V. – Paris : Hachette, 2000. – P. 156–179.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Кротов А. А., доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета

E-mail: krotov@philos.msu.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Krotov A. A., Doctor of Philosophy, Head of the History and Theory of World Culture Department of the Faculty of Philosophy

E-mail: krotov@philos.msu.ru